

С. В. Белецкий

Топорик из Суздальского Ополя

Keywords: Kievan Rus', Rurik dynasty, hatchet, bident, trident, power symbols (regalia), voivode, conspiracy.

Cuvinte cheie: Rusia Kieveană, Riurikovicii, topor, bident, trident, simbol al puterii, voievod, conspirație.

Ключевые слова: Киевская Русь, Рюриковичи, топор, двузубец, трезубец, регалия власти, воевода, заговор.

S. V. Beletsky

A Hatchet from Suzdal Opolye

In 2011, during excavation of a tumulus at the cemetery of Shekshovo-9 near Suzdal, there was found an iron war hatchet inlaid with silver. Along with a geometric motif, the incrustation included representations of two princely signs — a bident and a trident. N.A. Makarov, I.E. Zaytseva and A.M. Krasnikova who published this find have convincingly identified this hatchet as a “symbol of power”.

The bident is an ordinary type of a familial two-pronged battle fork sign of the Rurik princes; it was consequently used by representatives of the senior branch of the dynasty. The trident belonged to one of the junior sons of Prince Vladimir Svyatoslavich. A contemporary of Vladimir Svyatoslavich's sons among the princes who used the family bident of the Rurik dynasty was represented by Svyatopolk Yaropolchich — the posthumous son of Yaropolk Svyatoslavich adopted by Vladimir. He used the bident in the years of the Turov principedom. The trident on the hatchet can have belonged (and, most probably, indeed belonged) to Vsevolod Vladimirovich who reigned in Volhynia.

Svyatopolk Yaropolchich considered himself as a legal pretender to the Kievan throne “lawlessly” occupied by Vladimir Svyatoslavich who had killed his elder brother, Kievan Grand Prince Yaropolk. The frondeur opposition resulted in Svyatopolk being arrested and imprisoned in a dungeon on charges of conspiracy. Possibly, Vsevolod took Svyatopolk's side in the confrontation with Kiev and became a participant of the plot.

S. V. Beletsky

Un topor din Suzdal Opolie

În 2011, în timpul săpăturilor unui tumul din necropola Șekșovo 9, de lângă Suzdal a fost găsit un topor din fier incrustat cu argint. Pe lângă figurile geometrice, decorul includea reprezentările a două semne voievodale — bident și trident. N.A. Makarov, I.E. Zaițeva și A.M. Krasnikova, care au publicat piesa, pe bună dreptate au interpretat acest topor ca fiind un „simbol al puterii”.

Bidentul este tipic pentru neamul Riurikovicilor, fiind utilizat de către reprezentanții ramurii mai timpurii ai dinastiei. Tridentul aparținea unuia dintre fiii mai mici ai lui Vladimir Sveatoslavovici. Dintre cnejii care utilizau bidentul Riurikovicilor, contemporanul fiilor lui Vladimir Sveatoslavovici era Sveatopolk Iaropolcici — fiul postum al lui Iaropolk Sveatoslavovici, adoptat de către Vladimir; el utiliza bidentul în anii knezatului de la Turov. Tridentul de pe topor putea aparține (și, probabil, chiar aparținea) lui Vsevolod Vladimirovici, cneaz în Volânia.

Sveatopolk Iaropolcici se identifica drept pretendentul legitim pentru marele tron din Kiev, ocupat „illegal” de către Vladimir Sveatoslavovici, care și-a ucis fratele mai mare, kneazul Kievului Iaropolk. În timpul frondei, Sveatopolk a fost arestat, acuzat de conspirație și închis. Probabil, în conflictul cu Kievul, Vsevolod a luat partea lui Sveatopolk, devenind astfel unul dintre participanți la conspirație.

С. В. Белецкий

Топорик из Суздальского Ополя

В 2011 г. при раскопках кургана в могильнике Шекшово-9 близ Суздаля был найден железный топор, инкрустированный серебром. Наряду с геометрическим орнаментом, инкрустация включала изображения двух княжеских знаков — двузубца и трезубца. Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева и А.М. Красникова, опубликовавшие находку, справедливо расценили этот топор как «символ власти».

Двузубец представляет собой обычный тип родового двузубца Рюриковичей; его последовательно использовали представители старшей ветви династии. Трезубец принадлежал одному из младших сыновей Владимира Святославича. Из князей, пользовавшихся родовым двузубцем Рюриковичей, современником сыновей Владимира Святославича был Святополк Ярополчич — посмертный сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром; он использовал двузубец в годы туrowsкого княжения. Трезубец на топорике мог принадлежать (и, вероятно, принадлежал) Всеволоду Владимировичу, княжившему на Волыни.

Святополк Ярополчич осознавал себя законным претендентом на великий киевский стол, занятый «не по праву» Владимиром Святославичем, убившим своего старшего брата, великого киевского князя Ярополка. Следствием фрондирования стал арест Святополка и заключение в темницу по обвинению в заговоре. Вероятно, в противостоянии с Киевом сторону Святополка принял Всеволод, ставший одним из участников заговора.

В 2011 г. при раскопках кургана в могильнике Шекшово-9 близ Суздаля был найден железный топорик, инкрустированный серебром (рис. 1). Он принадлежит к типу IV по классификации А. Н. Кирпичникова. Датировка таких топоров определяется в пределах X—XII вв. (Кирпичников 1966: 30).

Наряду с геометрическим орнаментом, инкрустация топорика включает изображения двух княжеских знаков — трезубца на торцевой грани и двузубца на боковой (рис. 2)¹. Публикуя находку, Н. А. Макаров с соавторами отмечали: «Помещение на топоре тамгообразных княжеских знаков — уникальное явление» (Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 441). Находка действительно редкая, но не уникальная. На торце топорика из кургана третьей четверти XI в. в могильнике Никольское III, как будто бы, также угадывается инкрустированный серебром княжеский знак. Судя по опубликованной прорисовке, сохранность инкрустации крайне плохая (Макаров 1988: 456, верхний рисунок). Тем не менее, эта находка определенно свидетельствует о том, что использование парадного оружия с изображениями княжеских гербов не было в Древней Руси чем-то экстраординарным. Очевидно, подобное «дорогое парадное оружие» действительно можно расценить как «символ власти» (Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 443). Иными словами, топорик являлся такой же регалией власти, как и геральдические подвески, но только представлял собой инсигнию власти воинской (воевода?), а не гражданской.

По мнению Н. А. Макарова с соавторами, трезубец на топорике близок «знакам князей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича» (Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 438). Двузубец на топорике из Шекшово исследователи предложили рассматривать как «общий родовой знак князей Рюрика дома», а трезубец охарактеризовали как тамгу, которая «могла принадлежать кому-то из ближайших родичей Владимира и Ярослава. Летопись сохранила известия лишь о двух Рюриковичах, занимавших ростовский стол в конце X — начале XI в. — Ярославе и его брате Борисе, сменившем на ростовском княжении Ярослава после перехода последнего в Новгород. Вполне вероятно, что тамгообразный знак с треугольником на среднем зубце принадлежал Борису

Владимировичу, однако эта атрибуция не может быть строго доказана», — заключили исследователи (Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 441). Думается, однако, что сам факт обнаружения топорика в погребении, совершенном на территории Суздальского Ополя, не является основанием ни для персонификации трезубца князю, занимавшему именно ростовский стол, ни для уверенной идентификации владельца инсигнии в качестве представителя княжеской администрации именно на северо-востоке Руси. В любом случае, персонификация одного из двух знаков, помещенных на топорике, не может быть выполнена без учета второго знака.

Изображенный на топорике двузубец (рис. 2: 1) представляет собой обычный тип родового двузубца Рюриковичей: такие двузубцы известны по изображениям на печатях (Янин 1970: 166, №1; Щербак 1959: 364, рис. 1), на геральдических подвесках (Белецкий 2004: 252, 311, 313, рис. 12: 1; 14, №31, 40; 2014: №63), в гончарных клеймах (Кучера 1960: 121, рис. 3: 11; 1961: 144, рис. 1: 6), в граффити на монетах (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 139, 140, 144, 162, №72, 82, 149, 433; Мельникова 1996: 47, №1, 2, 5, 8, 11, 12; Нахапетян, Фомин 1994: 159, №253; Нечитайло 2012: 6, №4), оружии (Артамонов 1958: 76, 77, рис. 55; Белецкий, Белецкий 1998: 169—173), амфорах (Щербак 1959: табл. VI; IX; Флерова 1997: табл. XV: 229, 230) и бытовых предметах (Михайлова, Соболев, Белецкий 1998). Но никаких оснований считать двузубец общим родовым символом всех князей Рюрика дома, на мой взгляд, нет. Простой двузубец последовательно использовали Рюрик (?), Игорь Рюрикович, Святослав Игоревич, Ярополк Святославич и Святополк Ярополчич, то есть — представители старшей ветви рода (Белецкий 2000: 418, рис. 35). Однако социально престижным образительным символом младшей ветви рода стал не двузубец, а трезубец — именно такой знак был усвоен Владимиром Святославичем уже при жизни отца, и сыновья Владимира также использовали трезубцы, а не двузубец. Полагаю, поэтому, что двузубец на топорике из Шекшово обозначал не «род Рюриковичей» в целом, а вполне конкретного представителя старшей ветви этого рода.

Трезубец на топорике (рис. 2: 2) отличается от трезубца Владимира Святого завершением центрального зубца — треугольник, обращенный вершиной вверх. Этот знак был ранее зафиксирован в гончарном клейме из Вышгорода (Строкова 2000: 163, рис. 6: 5). Именно фор-

¹ Предварительные комментарии к знакам на топорике из Шекшово см.: Белецкий 2012: 458—463.

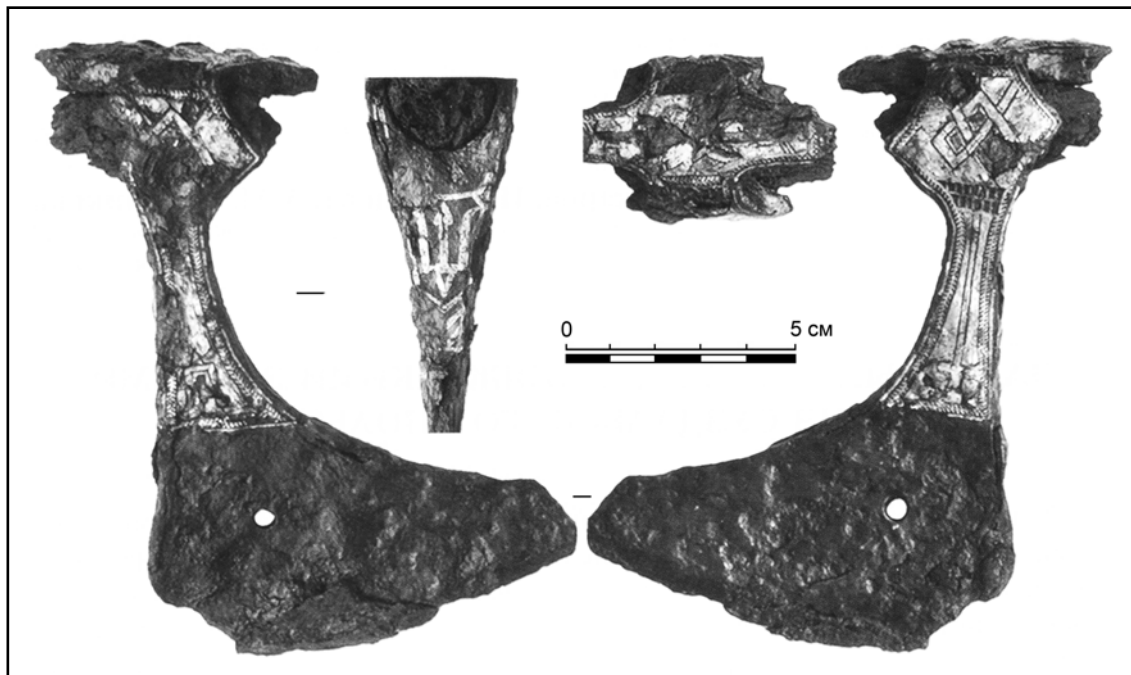

Рис. 1. Топорик из кургана в могильнике Шекшово-9 (по Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 436, рис. 1).

Fig. 1. War hatchet from a barrow at the cemetery of Shekshovo-9 (after Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 436, рис. 1).

мой завершения центрального зубца отличаются от трезубца отца и друг от друга знаки младших сыновей Владимира — крестик на вершине центрального зубца у трезубца Изяслава, кружок у трезубца Ярослава, ромб у трезубца Мстислава и т.д. (Белецкий 2000: 418, рис. 35). Очевидно, что трезубец с треугольником на вершине центрального зубца принадлежал одному из младших сыновей Владимира. Следовательно, топорик вряд ли может быть датирован ранее первой половины — середины 980-х гг., то есть — того времени, когда сыновья Владимира получали «из руки отца» княжеские столы (ПВЛ 1950, I: 83; Войтович 1992: 20—24).

Таким образом, воевода (?), получивший право на ношение и использование парадного боевого топорика с изображениями двух княжеских знаков, выступал представителем одновременно двух князей — и владельца двузубца, и владельца трезубца. Следовательно, эти князья были современниками.

Из князей, пользовавшихся родовым двузубцем Рюриковичей, современником сыновей Владимира Святославича был только Святополк Ярополчич — посмертный сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром: он использовал двузубец в годы туровского княжения (Белецкий 2000: 386, 387). Полагаю, что именно Святополк туровский скрывается за изображением двузубца

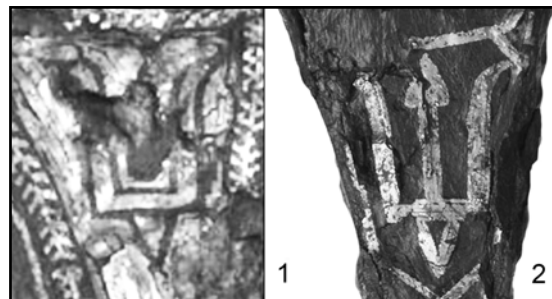

Рис. 2. Древнерусские княжеские знаки на топорике (по Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 436, рис. 1).

Fig. 2. Old Russian princely signs on the hatchet (after Макаров, Зайцева, Красникова 2013: 436, рис. 1).

на топорике. Помещение же на топорике изображения трезубца указывает на то, что полномочия, которыми был наделен владелец топорика, были предоставлены ему одновременно и Святополком, и одним из его кузенов по отцу.

Размещение на топорике двух разных княжеских знаков соответствует размещению двух разных знаков на одной и той же геральдической подвеске. В тех случаях, когда один из знаков принадлежал великому киевскому князю, а другой — одному из его сыновей, властные полномочия держатель подвески получал одновременно и от главы государства, и от княжича, посаженного от-

цом на местный княжеский стол. Сочетание на одной из подвесок (Белецкий 2014: №63) изображений родового двузубца Рюриковичей и трезубца Владимира Святославича прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о передаче великим киевским князем Святославом Игоревичем новгородского стола бастарду Владимиру (ПВЛ 1950, I: 49, 50). Точно так же была изначально оформлена и костяная подвеска из Новгорода (Белецкий 2004: №31), а «редактирование» двузубца, переделанного в трезубец, прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о борьбе Святославичей за наследство отца (ПВЛ 1950, I: 53, 54). Соответствует летописному сообщению (ПВЛ 1950, I: 83) и размещение на ряде подвесок одновременно трезубцев Владимира Святославича и его сыновей — Вышеслава (Белецкий 2004: №51, 52), Ярослава (Белецкий 2004: №34) и Бориса (Белецкий 2011: 44—45; 2014: №56, 94) Владимировичей.

В летописи княжичи, получившие столы «из руки отца», именуются князьями, но, очевидно, что эти князья не были суверенами, а находились в зависимости от великого киевского князя, который был вправе переводить их со стола на стол. Статус княжичей, посаженных отцом на местные столы, соответствует положению великокняжеского наместника. Однако стороны подвесок были формально равнозначными, так что речь должна идти об усвоении князю-наместнику статуса соправителя великого князя.

Сложнее ситуация с размещением на одной подвеске знаков, принадлежавших двум князьям-наместникам. Очевидно, что держатели этих подвесок являлись такими же должностными лицами государственного аппарата «державы Рюриковичей», как и держатели подвесок с изображениями знаков великого князя и князя-наместника. Понять правовой статус держателей подвесок с изображениями знаков двух князей-наместников позволяют подвески со знаками Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутараканского (Белецкий 2004: №30; 2014: №57). Появление в княжеском аппарате лиц, полномочных выступать от имени одновременно Ярослава и Мстислава Владимировичей, находит объяснение в летописном рассказе о разделении в 1026 г. верховной власти между Ярославом и Мстиславом (ПВЛ 1950, I: 100, 101). В таком случае, прочие подвески с изображениями лично-родовых знаков князей-наместников на обеих сторонах, вероятнее всего, также материализовали собой дуумвираты — новгородского князя Вышеслава и ростовского

князя Ярослава Владимировичей (Белецкий 2004: №8, 33, 41; 2014: №98), псковского князя Судислава Владимировича и новгородского князя Владимира Ярославича (Белецкий 2004: №237), новгородского князя Владимира Ярославича и полоцкого князя Брячислава Изяславича (Белецкий 2004: №28, 38; 2014: №101). Отсутствие в письменных источниках сведений о перечисленных дуумвиратах, как кажется, свидетельствует о том, что такие дуумвираты представляли собой вполне традиционное явление для властных структур Киевской Руси.

Таким образом, держатели подвесок с изображениями княжеских знаков на обеих сторонах могли выступать представителями или великого киевского князя и князя-наместника, или же двух князей-наместников. Совместная деятельность владельцев знаков, помещенных на топорике, происходила в годы великого княжения Владимира Святого, так что прямыми аналогиями топорнику следует признать геральдические подвески с изображениями знаков, принадлежавших двум князьям-наместникам. При этом одним из тех двух князей-наместников, которых представлял владелец топорика, был туровский князь Святополк.

В настоящее время известны подвески с изображениями знаков новгородского и ростовского, новгородского и псковского и, наконец, новгородского и полоцкого князей-наместников. Во всех случаях держатели подвесок выступали представителями князей, занимавших столы в граничащих между собой княжествах. Если это не случайность, то владелец трезубца, помещенного на топорике, с наибольшей вероятностью занимал княжеский стол во Владимире-Волыньском, столичном центре пограничной с туровскими землями Волыни. В таком случае речь может идти либо о Всеволоде, либо о Борисе Владимировичах. О княжении Всеволода Владимировича на Волыни сообщается в летописном рассказе о распределении княжеских столов между сыновьями Владимира Святого (ПВЛ 1950, I: 83), а о княжении во Владимире-Волыньском Бориса Владимировича упомянуто в Чтении Нестора Печерского (Милютенко 2006: 364—365).

Комментируя обстоятельства, при которых Борис был отозван отцом с Волыни, Нестор объясняет это враждебными намерениями Святополка и страхом Владимира за жизнь Бориса (Милютенко 2006: 364—365). Если это так, то совместная деятельность Святополка и Бориса в период кратковременно-

го (?) пребывания последнего на Вольни в принципе маловероятна², и трезубец на топорике из Шекшова принадлежать Борису Владимировичу никак не мог³.

Достоверные сведения о деятельности Всеволода Владимировича в летописи, как будто бы, отсутствуют. Одним из объяснений этому является предположение, что «он ушел за море в “Варяги” вследствие разрыва с отцом» (Пресняков 1993: 32). Основанием для этого предположения является отождествление Всеволода с упомянутым в сагах Виссивальдом, конунгом из Аустрвега, прошившем руки овдовевшей шведской королевы Сигрид Гордой и сожженным заживо по ее приказу вместе с другими женихами (Джаксон 2012: 148, 168, 288). Однако, убийство женихов датируется 995 г., когда Всеволоду было не более 11—13 лет (Войтович 1992: 24), а Сигрид — не меньше 30—35⁴, так что отождествление Виссивальда с Всеволодом Владимировичем маловероятно.

Следовательно, вопрос о том, когда именно Всеволод получил «из руки отца» стол во Владимире Вольнском — до или после княжения здесь Бориса Владимировича — нельзя ставить в зависимость от даты гибели конунга Виссивальда⁵. Если верны летописные сведе-

ния о выделении княжеских столов младшим Владимировичам после смерти Вышеслава (ПВЛ 1950, I: 83), то Борис и Всеволод были посажены Владимиром Святославичем, соответственно, в Ростов и во Владимир Вольнский приблизительно одновременно и не ранее 1010 г. В таком случае, Борис действительно первоначально занимал княжеский стол на Вольни, и только после его перевода из Владимира Вольнского в Ростов во Владимир был направлен Всеволод.

После сказанного решуь предположить, что трезубец на топорике из Шекшова мог принадлежать (и, вероятно, принадлежал) сыну Владимира Святого Всеволоду. В таком случае владелец данного символа власти получил властные полномочия одновременно от Святополка Ярополчича и Всеволода Владимировича.

Вероятность того, что Святополк в период пребывания на туровском столе находился в оппозиции Киеву, достаточно велика. Туровский князь-наместник осознавал себя Ярополчичем, то есть — законным претендентом на великий киевский стол, занятый «не по праву» убийцей отца. Есть основания считать, что в своих претензиях на верховную власть Святополк находил достаточно широкую поддержку: об этом свидетельствует не только летописный рассказ о поддержке Святополка боярами Вышгорода⁶, но и отмеченное В.И. Татищевым присутствие сторонников Святополка среди новгородцев⁷. Именно следствием фрондирования стал арест Святополка и заключение его вместе с женой в темницу, известные по Хронике Титмара⁸.

годы X в. исчезает с политического горизонта Руси. По-видимому, данные саги об Олаве Тригвасоне, согласно которой Всеволод бежал в Скандинавию, где и погиб в 995 г., точны» (ПВЛ 1950, II: 343).

⁶ «Святополк... рече им (вышгородцам — С.Б.): прияте ли ми всем сердцем? Рече же Путьша с вышгородци: можем главы своя сложити за тя» (ПВЛ 1950, I: 90).

⁷ «Новгородцы не всхотели слышать Ярослава и умыслили его ссадить, а Святополку поддаться» (Татищев 1963: 238).

⁸ «Названный король (Владимир — С.Б.), услышав, что сын его, подстрекаемый Болеславом, тайно готовится восстать против него, схватил его вместе с женой и названным отцом, и заключил их отдельно друг от друга под стражу... Болеслав же, узнав обо всем этом, не преминул отомстить, насколько мог. После этого названный король, исполненный днй, умер, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, улизнув оттуда, но оставив там жену, он бежал к тестю» (Титмар 2009: 162—163).

² Отмеченный Длугошем (Милютенко 2006: 408—409) совместный поход Святополка и Бориса в 1015 г. против мятежного Ярослава приходится на время, когда статус Святополка претерпел значительные изменения по сравнению со временем, предшествовавшим аресту и заточению князя (Белецкий 2000: 387). Замечу, что считать «возмущение обоих старших Владимировичей» — Ярослава и Святополка — следствием одного и того же события (Древняя Русь 1999: 323) нет никаких оснований: причины для фронды у Святополка и Ярослава были различными, а проявление этой фронды происходило с разницей в несколько лет (Белецкий 2001: 105, 106).

³ Ранее я персонифицировал Борису Владимировичу знак в форме трезубца, вершина центрального зубца у которого имела вид миниатюрного трезубца (Белецкий 2011: 44—45; 2014: №56, 94).

⁴ По подсчетам Н.М. Карамзина, к 1015 г. Сигрид было не менее 50 лет: «Ежели Сигрида в 981 году вышла замуж, ... то по смерти Владимировой, — то есть, когда Всеволод мог приехать в Швецию — сей красавице было, по крайней мере, лет 50» (Карамзин 1991: 202).

⁵ Комментируя летописный рассказ о распределении княжеских столов между сыновьями Владимира, Д.С. Лихачев отмечал: «Шахматов, а вслед за ним и некоторые другие исследователи считали, что во Владимире-Вольнском первоначально был посажен не Всеволод, а Борис, который затем был переведен в Ростов с заменой его во Владимире Вольнском Всеволодом. Вряд ли это, однако, так: Всеволод уже в 90-е

А. В. Назаренко подчеркивал, что «словам Титмара, будто Святополк действовал “по наущению Болеславу” (Болеслав Храбрый, тесть Святополка — С. Б.), нельзя придавать большого значения: хронист был яростным ненавистником польского князя и имел обыкновение во всем усматривать его козни» (Древняя Русь 1999: 323). Возможно, это так, однако не учитывать того, что у Святополка была серьезная поддержка в лице тестя все-таки нельзя. Во всяком случае, победоносный поход на Русь, состоявшийся в 1013 г.⁹, А. В. Назаренко считает «местью Болеслава за заключение в Киеве его дочери и зятя» (Древняя Русь 1999: 322).

Таким образом, Святополк был посажен в темницу в Киеве ранее 1013 г. Ссылаясь на известие Титмара, А. В. Назаренко объяснял арест Святополка тем, что он «обвинялся в заговоре против киевского князя» (Древняя Русь 1999: 323). Короткий период вольнского княжения Всеволода Владимировича близок по времени аресту Святополка. Не пере-

шло ли в начале второго десятилетия XI в. вялотекущее фрондирование Святополка в открытое противостояние с Киевом, причем в такое противостояние, в котором стороне тридцатилетнего Святополка туровского принял двадцатипятилетний Всеволод вольнский, ставший одним из участников заговора против великого киевского князя? Это предположение могло бы объяснить факт обнаружения топорика с изображениями знаков туровского и вольнского князей на территории Ростовского княжества, то есть — в землях, переданных под управление Борису. Борис Владимирович, судя по всему, был в глазах современников наиболее вероятным преемником отца на великокняжеском столе¹⁰. Погребение в Суздальском Ополе воеводы Святополка и Всеволода как будто бы свидетельствует о походе в Ростовскую землю дружины князей-заговорщиков и согласуется с упоминавшимися сведениями из Чтений Нестора Печерского о враждебных намерениях Святополка в отношении Бориса (Милютенко 2006: 364—365).

Литература

- Артамонов М. И. 1958. *Саркел — Белая Вежа*. МИА СССР 62.
- Белецкий В. Д., Белецкий С. В. 1998. О знаках на кистене из Белой Вежи. В: Немчинова Л. Е., Таллерник Т. М. (ред.). *Скифы, хазары, славяне, древняя Русь*. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Тезисы докладов. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 169—172.
- Белецкий С. В. 2000. Зарождение русской геральдики. *Stratum plus* (6), 366—424.
- Белецкий С. В. 2001. Династическая война на Руси в первой четверти XI в. в свете данных древнейшей русской геральдики. В: Мачинский Д. А., Селин А. А. (ред.). *Миграция и оседлость от Дуная до Ладogi в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 99—112.
- Белецкий С. В. 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. В: Мачинский Д. А. (ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 243—319.
- Белецкий С. В. 2011. Две древнерусские геральдические подвески. В: Лабутина И. К. (отв. ред.). *АИИПЗ. Материалы 57-го заседания*. Москва; Псков, 44—48.
- Белецкий С. В. 2012. Древнейшая геральдика Руси. В: Дмитриенко А. (отв. ред.). *Повесть Временных лет*. Санкт-Петербург: Вита Нова, 431—463.
- Белецкий С. В. 2014. Геральдические подвески древней Руси (новые находки). В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья 4*. Санкт-Петербург, 12—54.
- Войтович Л. В. 1992. *Генеалогія династії Рюриковичів і Гедиміновичів*. Київ: Таурус.
- Джаксон Т. Н. 2012. *Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий*. 2-е изд. Москва: Русский Фонд содействия образованию и науке.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. 1991. *Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны*. Ленинград: ЛГУ.
- Древняя Русь 1999: Мельникова Е. А. (ред.). *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. 1999. Москва: Логос.
- Карамзин Н. М. 1991. *История Государства Российского*. Т. II—III. Москва: Наука.
- Кирпичников А. Н. 1966. *Древнерусское оружие 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. X—XIII вв.* САИ Е1—36. Москва; Ленинград: Наука.
- Кучера М. П. 1960. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска. *КСИА АН УССР* 10, 118—123.

⁹ «После этого он с нашей помощью напал на Русь. Опустошив большую часть этой страны, он приказал перебить всех печенегов, когда между ними и его людьми случилась размолвка, хоть те и были его союзниками» (Титмар 2009: 128).

¹⁰ «Мы не знаем ничего определенного о каких-либо предсмертных распоряжениях Владимира. Но есть серьезные основания думать, что он прочил себе в преемники на киевском столе Бориса. Такое намерение сказывается в известиях, что Борис жил при престарелом отце, что ему отец передал командование киевской дружиной и поручил за себя вести борьбу с печенегами» (Пресняков 1993: 364).

№6. 2014

- Кучера М. П. 1961. Кераміка древнього Пліснеська. *Археологія* XII, 143—154.
- Макаров Н. А. 1988. Декоративные топорики из Белозерья. *Памятники культуры. Новые открытия. 1987*. Москва: Наука, 455—460.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М. 2013. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополя. В: Молодин В. И., Шуньков М. В. (ред.). *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 435—444.
- Мельникова Е. А. 1996. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах. В: Мельникова Е. А. (отв. ред.). *Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства*. Москва: Институт российской истории, 45—50.
- [Милютенко Н. И. 2006]. *Святые князья-мученики Борис и Глеб*. Исследование и подготовка текстов Н. И. Милютенко. Санкт-Петербург: Олег Абышко.
- Михайлова Е. Р., Соболев В. А., Белецкий С. В. 1998. Пряслице с граффити X в. из урочища Боровское купалище. В: *VI Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 119—120.
- Нахапетян В. Е., Фомин А. В. 1994. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX—X вв. В: Новосельцев А. П. (ред.). *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г.* Москва: Наука, 139—208.
- Нечитайло В. В. 2012. *Каталог древнерусских печатей X—XIII веков 1. Древнерусские печати Великих князей Киевских и Митрополитов Руси*. Киев.
- ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. 1950. Ч. I—II. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Пресняков А. Е. 1993. *Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории*. Москва: Наука.
- Строкова Л. В. 2000. Гончарські клейма з Вишгорода. В: Відейко М. Ю. (відп. ред.). *Археологічні дослідження в Україні в 1994—1996 роках*. Київ, 148—164.
- Татищев В. Н. 1963. *История Российская*. Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Титмар Мерзебургский. 2009. *Хроника в 8 книгах*. 2-е изд., исправл. Москва: Русская панорама.
- Флерова В. Е. 1997. *Граффити Хазарии*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Щербак А. М. 1959. Знаки на керамике и кирпичках из Саркела-Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов). *МИА СССР* 75, 362—414.
- Янин В. Л. 1970. *Актовые печати древней Руси X—XV вв.* Т. 1. Москва: Наука.

References

- Artamonov, M. I. 1958. *Sarkel — Belaia Vezha (Sarkel — Belaia Vezha)*. Proceedings and Research on the Archaeology of the USSR 62 (in Russian).
- Beletsky, V. D., Beletsky, S. V. 1998. In *Skify. Khazary. Slaviane. Drevniia Rus' (Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Russia)*. Saint-Petersburg: State Hermitage Museum, 169—172 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2000. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 366—424 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2001. In *Migratsiia i osedlost' ot Dunaia do Ladogi v pervom tysiacheletii khristianskoi ery. Piatye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Migration and Settled Life from the Danube to the Ladoga Rivers in the I Millennium AD. 5th Readings in Memory of Anna Machinskaia)*. Saint-Petersburg: Staraya Ladoga Historical, Architectural and Archaeological Museum and Preservation Area, 99—112 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2004. In *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Ladoga and Gleb Lebedev. 8th Readings in Memory of Anna Machinskaia)*. Saint-Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 243—319 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2011. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)* 57. Moscow; Pskov, 44—48 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2012. In *Povest' vremennykh let (Primary Chronicle)*. Saint-Petersburg: "Vita Nova" Publ., 431—463 (in Russian).
- Beletsky, S. V. 2014. In *Ladoga i Ladozhskaia zemlia v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages)* 4. Saint-Petersburg, 12—54 (in Russian).
- Vojtovych, L. V. 1992. *Henealohiia dynastij Ryurykovichiv i Hedyminovichiv (Genealogy of Rurik and Gediminas Dynasties)*. Kiev: "Taurus" Publ. (in Ukrainian).
- Jackson, T. N. 2012. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope. Teksty, perevod, kommentarii (Icelandic King's Sagas on Eastern Europe (1000—1030): Texts, translations, comments)*. Moscow: "Russkii Fond sodeistviia obrazovaniu i nauke" Publ. (in Russian).
- Dobrovolskii, I. G., Dubov, I. V., Kuzmenko, Yu. K. 1991. *Graffiti na vostochnykh monetakh: Drevniia Rus' i sopredel'nye strany (Graffiti on Eastern Coins: Ancient Russia and Neighboring Countries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Drevniia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov (Ancient Russia in the Light of Foreign Sources)*. 1999. Moscow: "Logos" Publ. (in Russian).
- Karamzin, N. M. 1991. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo (History of the Russian State)* II—III. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Armaments)*. Issue 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni. X—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th—13th cc.)*. Corpus of Archaeological Sources E1—36. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).
- Kuchera, M. P. 1960. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii Akademii nauk Ukrainiskoi SSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR)* (10), 118—123 (in Russian).
- Kuchera, M. P. 1961. In *Arkheolohiia (Archaeology)* XII. Kiev, 143—154 (in Russian).
- Makarov, N. A. 1988. In *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 1987 (Cultural Sites. New Discoveries. 1987)*. Moscow: "Nauka" Publ., 455—460 (in Russian).
- Makarov, N. A., Zaitseva, I. E., Krasnikova, A. M. 2013. In *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii (Fundamental Problems of the Archaeology, Anthropology and Ethnology of Eurasia)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, 435—444 (in Russian).
- Melnikova, E. A. 1996. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Politicheskaia struktura Drevnerusskogo gosudarstva (Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages. Political Structure of the Ancient Russian State)*. Moscow: Institute for the Russian History, 45—50 (in Russian).
- [Miliutenko, N. I. 2006]. *Sviatye kniaz'ia-mucheniki Boris i Gleb (Holy Knyazes-Martyrs Boris and Gleb)*. Saint-Petersburg: "Oleg Abyshko" Publ. (in Russian).
- Mikhailova, E. R., Soboлев, V. A., Beletskii, S. V. 1998. In *VI Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (6th All-Russian Numismatic Conference)*. Saint-Petersburg: State Hermitage Museum, 119—120 (in Russian).

- Nakhapetian, V.E., Fomin, A.V. 1994. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniia. 1991 g. (The Most Ancient States of the Eastern Europe. Proceedings and Research. 1991)*. Moscow: "Nauka" Publ., 139—208 (in Russian).
- Nechitailo, V.V. 2012. *Katalog drevnerusskikh pechatei X—XIII vekov (Catalogue of the Early Russian Stamps in the 10th—13th Centuries)* 1. *Drevnerusskie pečati Velikikh kniazei Kievskikh i Mitropolitov Rusi (Early Russian Stamps of the Great Kievan Princes and Metropolitans of Russia)*. Kiev (in Russian).
- Povest' vremennykh let (Primary Chronicle)*. 1950. Part I—II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Presniakov, A.E. 1993. *Kniazhoe pravo v Drevnei Rusi. Lektsii po russkoi istorii (Knyaz Law in Early Rus'. Lectures on Russian History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Stroikova, L.V. 2000. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraini v 1994—1996 rokakh (Archaeological Investigations in Ukraine 1994—1996)*. Kiev, 148—164 (in Ukrainian).
- Tatishchev, V.N. 1963. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)* II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian) (in Russian).
- Thietmar of Merseburg. 2009. *Khronika v 8 knigakh (Chronicle of Thietmar)*. Moscow: "Russkaia panorama" Publ. (in Russian).
- Flerova, V.E. 1997. *Graffiti Khazarii (Graffiti of Khazaria)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).
- Shcherbak, A.M. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research on the USSR Archaeology)* 75, 362—414 (in Russian).
- Yanin, V.L. 1970. *Aktovye pečati Drevnei Rusi X—XV vv. (Stamps of Medieval Russia)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Статья поступила в номер 16 мая 2014 г.

Serge Beletsky (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Serge Beletsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Белецкий Сергей Васильевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: serge_beletsky@mail.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation